

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

**М. Н. ПЕТЕРСОН И ЕГО ТРУДЫ ПО
ЛИТУАНИСТИКЕ**

Дипломная работа

студентки IV курса
отделения литовского языка и литературы
Токаревой Юлии Павловны

подпись

Научный руководитель
к. филол. н., доц. А. В. Андронов

«___» _____ 200__ г. _____

подпись

Санкт-Петербург, 2009

Оглавление

Введение.....	2
Глава 1	4
Глава 2	10
Труды М. Н. Петерсона по литуанистике.....	10
«Древнейший памятник литовского языка»	11
«Строение предложения в поэме К. Донелайтиса «Времена года».....	16
«Очерк литовского языка»	21
«Изучение русского языка литовцами»	30
Заключение	33
Литература	35
Приложение	36

М. Н. Петерсон и его труды по литуанистике

Введение

Научная деятельность профессора кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета Московского государственного университета, специалиста в деле изучения древних языков и знатока памятников на этих языках Михаила Николаевича Петерсона (1985–1962), занимавшегося общим языкознанием, славянскими и балтийскими языками, связана с разработкой методов изучения и описания языка. Исследователи его творчества отмечают высокий теоретический уровень, оригинальность идей и глубину проникновения в материал.

Круг тем, интересовавших М. Н. Петерсона крайне широк. Его работы посвящены особенностям лексикологии, синтаксиса, диалектологии, этимологии, орфографии, морфологии, фонетики таких языков, как санскрит, русский, французский и, что особенно важно для данной работы, литовский язык.

Однако многие работы, такие как переводы с санскрита, древнегреческого, и литовского языков, статьи по языкознанию и методике преподавания, рукописи учебников, учебных пособий и книг самого М. Н. Петерсона остались неизданными, а те, что были опубликованы, находятся в разных источниках: сборниках, журналах и т. п. С этим и связана актуальность темы. Ведь до сих пор не создано полной библиографии трудов М. Н. Петерсона.

Целью работы является описание вклада М. Н. Петерсона в литовское языкознание.

Для достижения поставленной в дипломной работе цели решались следующие задачи:

Практической задачей данной дипломной работы является создание библиографии М. Н. Петерсона.

К теоретическим задачам относятся знакомство с его трудами, научной и педагогической деятельностью, изучение статей его учеников, рецензий на его работы. Особое внимание уделяется его трудам по литуанистике.

Работа состоит из двух частей.

Глава первая посвящена биографии М. Н. Петерсона и его деятельности.

Во второй главе описываются работы М. Н. Петерсона по литуанистике.

В приложении приводится составленная в ходе работы библиография. При её составлении использовались каталог Института лингвистических исследований РАН, библиографические справочники «Lietuvos kalbotyros bibliografija», сборник памяти М. Н. Петерсона «Вопросы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков», книга В. А. Кочергиной «Профессор М. Н. Петерсон».

Теоретической основой дипломной работы послужили труды самого М. Н. Петерсона, а также публикации о нём отечественных и зарубежных авторов, в том числе его учеников. Использовались работы В. А. Кочергиной, сборник памяти М. Н. Петерсона «Вопросы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков».

Глава 1

Деятельность М. Н. Петерсона

Михаил Николаевич Петерсон родился 4 октября 1985 года в городе Керенске Пензенской области в семье секретаря местного суда. Закончив гимназию в городе Верный в 1905 году, он поступил в Московский университет и с 1909 года начал учиться на отделении сравнительно-исторического языковедения историко-филологического факультета.

Как пишет В. А. Кочергина в сборнике памяти М. Н. Петерсона «Вопросы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков», отделение сравнительного языковедения было тогда одним из самых трудных, но давало прекрасную лингвистическую подготовку. В. К. Поржезинский, крупный специалист по сравнительно-историческому индоевропейскому языкознанию, любимый ученик академика Ф. Ф. Фортунатова был учителем М. Н. Петерсона [Кочергина 1997: 8].

За время учёбы в университете Михаил Николаевич получил глубокие теоретические знания в области компаративистики и практические знания индоевропейских языков как древних (санскрит, древнегреческий, латинский), так и современных. Здесь же он начал изучать литовский язык.

Ещё на студенческой скамье М. Н. Петерсон пишет свою первую значительную работу, посвящённую исследованию Ф. Ф. Фортунатова «Состав Остромирова Евангелия».

На следующем курсе в 1912 году М. Н. Петерсон осуществляет уже собственное оригинальное исследование на тему «Долгота в польском языке». В том же году он пишет работу «Образование основ аориста в индоевропейских языках».

Подробное описание биографии М. Н. Петерсона даёт В. А. Кочергина в книге «Профессор М. Н. Петерсон». Весной 1913 года М. Н. Петерсон окончил Московский университет и был оставлен при кафедре сравнительно-исторического языкознания и санскрита для подготовки к профессорскому званию [Кочергина 1996: 33].

В октябре 1914 года Михаил Николаевич представляет сочинение «История и современное положение вопроса о двуслоговых базах».

В 1915 году выдержал магистерские экзамены и прочитал две вступительные лекции — «Ведийское наречие и санскрит» и «Объём, задачи и метод синтаксиса». После этого был допущен к преподаванию на филологическом факультете в качестве приват-доцента [Кочергина 1996: 35].

Для своих исследований М. Н. Петерсон избирает наименее разработанную в тот период область — синтаксис. Ранее первоочередной задачей сравнительного языкознания являлось установление родства языков и реконструкция праязыкового состояния, а для этого требовалось устанавливать звуковые соответствия и исследовать словоизменение. Поэтому в первую очередь разрабатывались вопросы фонетики и морфологии. Таким образом, первым лекционным курсом стал «Сравнительный синтаксис индоевропейских языков», который он читал в 1916–1917 учебном году. Работа над проблемами синтаксиса становится одним из основных направлений его научно-исследовательской деятельности. Введением к лекциям по сравнительно-историческому синтаксису явилась работа того же года «О направлениях в языкознании», которая содержит, по сути дела, историю синтаксических теорий.

В последующие годы М. Н. Петерсон готовит курсы важных для компаративистики языков — «Литовский язык» (1917–1918) и «Санскрит» (1918–1919). Далее следует «Семасиология» (1919–1920) и, наконец, «Синтаксис русского языка» (1920–1921), изданный двумя годами позже под заглавием «Очерк синтаксиса русского языка» (см. приложение).

Вот как описывает М. Н. Петерсон содержание «Очерка синтаксиса русского языка»: «В самом очерке делается обзор явлений, подлежащих исследованию в синтаксисе. Преобладает описательная точка зрения, хотя в некоторых случаях делаются более или менее обширные экскурсы исторического характера» [Петерсон 1923: 4].

М. Г. Боровская в статье «М. Н. Петерсон и преподавание иностранных языков» рассказывает, что начало научной и педагогической деятельности М. Н. Петерсона пришлось на годы, когда перестраивалась вся система образования в стране [Боровская 1997: 46].

В первые послереволюционные годы преподавание иностранных языков в школах почти полностью прекратилось. Положение осложнялось тем, что не хватало преподавателей, учебной и методической литературы. Необходимы были новые учебники и новые программы.

В. А. Кочергина пишет, что в эти годы он принимает участие в работе Московского лингвистического общества, членам которого пришлось обратиться к вопросам педагогической практики [Кочергина 1996: 33].

М. Н. Петерсон в составе комиссий Наркомпроса и Государственного учёного совета, занимающихся обновлением программ, повышением квалификации преподавателей, изданием учебников и пособий для школ и ВУЗов, занимается не только преподаванием и составлением пособий, но и вопросами организации образования.

Так началась многолетняя работа М. Н. Петерсона-методиста и руководителя нескольких поколений преподавателей русского и иностранных языков.

Михаил Николаевич придавал большое значение науке о языке. В 1917–1918 годах он написал фрагмент монографии «История языкознания».

В 1918 году Михаил Николаевич выступает с докладом на тему «Роль эмоций в языке»

Статьи М. Н. Петерсона появляются в журналах «Печать и революция», «Родной язык в школе» и других. За период с 1919 по 1925 годы им были написаны многие статьи по лингвистике для Большой советской энциклопедии.

В 1922–1923 годах М. Н. Петерсон создаёт ряд курсов, являющихся основополагающими при подготовке языковеда-филолога. Это «Введение в языковедение», «Сравнительная грамматика индоевропейских языков», «Современный русский язык».

Курс «Современный русский язык» был создан для заочников и неоднократно видоизменялся. На его основе в 1925 году была издана книга «Русский язык», на которую, а также на «Очерк синтаксиса русского языка» откликнулся рецензией в журнале «Slavia» Н. Н. Дурново.

При исследовании синтаксиса Михаил Николаевич впервые начинает применять статистический метод, в чём заключается своеобразие и новаторство его синтаксической системы.

Вопрос соотношения формы и значения в слове затрагивался Петерсоном в работах «Синтаксис русского языка» (1923) и «Русский язык. Пособие для преподавателей» (1925).

В 1927 году в журнале «Русский язык в школе» была издана крайне актуальная для этого периода времени статья М. Н. Петерсона «Русский язык, как предмет преподавания». В ней он пишет: «Это один из самых сложных, больших вопросов школьного преподавания». Но автор успешно с ним справляется и в конце статьи делает следующие выводы:

1) В школе надо изучать литературный русский язык.

2) Наилучший материал для этого—произведения классических писателей и тех из современных, которые, по языку, следуют традиции классиков.

3) Произведения современных писателей, неумеренно пользующихся диалектизмами и словами воровского жаргона, совершенно недопустимы, как материал для изучения языка, в I ступени и с большой осторожностью могут привлекаться в старших группах II ступени.

В 20-е годы М. Н. Петерсон посвящает два этюда синтаксису Лермонтова. Этюд первый — «Словосочетание типа *птица летит*» был написан в 1923 году (напечатан в 1927 году). Другой этюд «Конструкции с предлогом *из*» написан в 1926 году (напечатан в сокращённом виде 1930 году).

«Есть у Михаила Николаевича и статьи, посвящённые частным вопросам морфологии, например: «О глаголе в русском языке», «Сослагательное наклонение», «Развитие частей речи в русском языке» и др. (все в рукописи). Привлекало его и изучение словарного состава языка, что отразилось в таких работах как: «Значение слов» и «Лексикология. Опыт построения русской лексикологии» (все в рукописи). Это оригинальные исследования, написанные целиком на материале русского языка» [В. А. Кочергина 1996: с. 69].

Изучению диалектов русского языка и языка художественной литературы посвящены следующие работы: «Лексика Повестей Белкина А. С. Пушкина», «О языке Суворова» и многие другие, оставшиеся ненапечатанными. К исследованиям этого типа примыкают рукописи статей «Методы анализа художественного произведения», «Лингвистические требования к переводу» и др. [В. А. Кочергина 1996: с. 70].

М. Н. Петерсон смог почувствовать новое в изучении языка: перенос центра тяжести на социологическую сторону. Об этом свидетельствует статья «Язык как социальное явление» (1927). Сам автор характеризует данную работу так: «Этот обзор того, что сделано до сих пор по социологии языка, не претендует на исчерпывающую полноту, но, я полагаю, вполне достаточен для того, чтобы судить, насколько еще мало сделано в этой

области. Читателю бросится также в глаза и неравномерность разработки отдельных вопросов.

Я питаю надежду, что эта статья и схема, в ней набросанная, привлечет внимание исследователей как к проблеме социологии языка во всем объеме, так и к отдельным ее сторонам. Проблема очень сложна; по самому своему существу она требует сотрудничества многих исследователей».

М. Н. Петерсон считал, что лишь исследуя функции языка, учёный имеет право говорить о причинах его изменений под влиянием внеязыковых факторов.

Говоря о деятельности Петерсона, нельзя не сказать о его работе по созданию фонетической транскрипции.

В 20-е–30-е годы выработка фонетической транскрипции имела первостепенное практическое значение в деле преподавания иностранных языков.

В 1937 году выходит работа М. Н. Петерсона, посвящённая описанию синтаксической системы памятника «Слово о полку Игореве».

Позже были подготовлены курсы «История греческого языка» (1941–1945), «Лекции по современному русскому литературному языку» (1941) и история «Латинского языка» (1945–1946). Свой курс «Введение в языкознание» М. Н. строит на синхронном описании систем русского, французского, немецкого и английского языков. Михаил Николаевич считал лекции по введению в языкознание важнейшими, так как они знакомили студентов-первокурсников с основами науки о языке и помогали в выборе дальнейшего пути в филологии, учили научному подходу к языку, к его исследованию и преподаванию.

Более специальным, рассчитанным только на филологов-языковедов, был другой теоретический курс «Сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков». М. Н. Петерсон выступил в 1940–50-е годы со статьями по общему языкознанию: «Система языка», «Проблема метода в языкознании», «Проблематика по языкознанию», «Задачи курса «Введение в языкознание». По его словам, эта работа представляет следующий этап в развитии его синтаксических взглядов. Последний этап его взглядов нашёл выражение в «Синтаксисе французского языка», написанном вместе с К. А. Ганшиной и изданном в 1947 году.

В тот же период была опубликована работа «Глаголы говорения в санскрите».

В 1947 году появился труд М. Н. Петерсона «Учебник русского для нерусских школ».

«В 50-е годы в печати появилось несколько крупных работ, которые как бы подвели итог его многолетних трудов в определённых областях науки о языке» [Кочергина 1996: 108]. В их числе работа «О частях речи в русском языке».

Проблемам синтаксиса была посвящена одна из последних работ М. Н. Петерсона «К вопросу о применении сравнительно-исторического метода в области синтаксиса», оставшаяся неопубликованной (рукопись от 8/X/1953. Архив М. Н. Петерсона).

В 1955 году была издана книга «Система русского правописания».

В 1956 году появляется I том, а в 1957 году — II том «Избранных трудов академика Ф. Ф. Fortunatova», подготовленные М. Н. Петерсоном.

Истории отечественного языкознания посвящены статьи «Академик Ф. Ф. Fortunatov», «Fortunatov и Московская лингвистическая школа», «К. Д. Ушинский и русский язык», «А. М. Селищев — деятель высшей школы».

Огромной заслугой М. Н. Петерсона является воспитание нескольких поколений отечественных языковедов. Ученики профессора М. Н. Петерсона, отражая многогранность интересов своего учителя, становились учёными различных ориентаций, избирали собственные пути в науке. Он был редактором многих книг и статей, готовил к печати труды своих учителей, с большим вниманием работал с молодыми, начинающими авторами.

Глава 2

Труды М. Н. Петерсона по литуанистике

М. Н. Петерсон начал изучать литовский язык ещё во время учёбы на отделении сравнительно-исторического языкознания историко-филологического факультета Московского университета. Первым русским учёным, начавшим преподавание литовского языка в Московском университете, был академик Ф. Ф. Фортунатов.

В 1917 году В. К. Поржезинский предложил М. Н. Петерсону читать курс литовского языка.

Литовский язык привлекал учёных со времён возникновения сравнительно-исторического языкознания. Начиная со «Сравнительной грамматики» Ф. Боппа, а затем, после появления «Руководства по изучению литовского языка» А. Шлейхера, использование данных литовского языка в работах по компаративистике стало обязательным.

Литовский язык интересен чертами архаизма. Так, в нём сохраняется музыкальное ударение, существовавшее в древних индоевропейских языках (в ведийском и древнегреческом). Изучение музыкального элемента в литовском ударении имеет большое значение для языкознания.

Многогранность личности М. Н. Петерсона нашла своё отражение в его занятиях литуанистикой. Изучение и преподавание литовского языка, составляло важное звено его деятельности. М. Н. Петерсон способствовал проникновению в литуанистику понимания социальной природы, системного анализа и ряда других исследовательских приёмов.

Обращаясь к деятельности М. Н. Петерсона в литовском языкознании, необходимо подчеркнуть, что им затрагивались самые актуальные темы, разрабатывались наиболее важные для его времени аспекты данной области науки. В своих исследованиях М. Н. Петерсон претворял в жизнь синтез теории литературы, стилистики и лингвистики, анализируя памятники литовского языка, а также художественные произведения. В этих исследованиях проявилось его стремление глубже проникнуть в историю литовского языка и культуры.

«Древнейший памятник литовского языка»

Характерные черты творчества М. Н. Петерсона отражает его статья, «Древнейший памятник литовского языка», вышедшая в 1947 году в журнале «Вестник Московского университета» (№3). Эта работа посвящена первому печатному памятнику литовского языка Катехизису «Catechismusa prasty szadei» Мартинаса Мажвидаса, изданному в 1547 году.

Как отмечает М. Г. Нецецкая, статья «Древнейший памятник литовского языка» была написана в период сложного этапа борьбы различных течений в советской лингвистике. Данная работа входит в круг трудов, опубликованных в Литве и за рубежом в связи с четырёхсотлетием литовского Катехизиса как культурно-исторического документа, наиболее раннего свидетельства литовской письменности [Нецецкая 1996: 24].

М. Н. Петерсон так описывает содержание книги:

1. Посвящение на латинском языке.
2. Обращение к литовскому духовенству на латинском языке.
3. Стихотворение под заглавием «Разговор самой книги с литовцами и жемайтами» на литовском языке.
4. Букварь.
5. Катехизис.
6. Духовные песнопения с нотами.

М. Н. Петерсон называет древнейший памятник языка началом письменного общелитовского языка. До появления Катехизиса Мажвидаса общелитовский язык употреблялся только в устной форме для бытовых и общегосударственных нужд, существовал в народной словесности в песнях, сказках, загадках, пословицах и поговорках [Петерсон 1947: 9].

При отборе материала для анализа Катехизиса М. Н. Петерсон отдал предпочтение стихотворному предисловию, которое представляет собой непередаваемой, оригинальный текст.

Выделив предисловие как особую часть книги, заслуживающую специального рассмотрения, М. Н. Петерсон сосредоточился на двух ярусах языка: лексикологии и синтаксисе, реализующих основные единицы

коммуникативного плана. Особое внимание придавалось установлению системных связей на каждом из этих языковых уровней, поскольку данный аспект исследования в концепции М. Н. Петерсона являлся первоочередной задачей лингвистической работы.

Наибольший интерес вызывает высказанная в результате анализа предисловия к «Катехизису» мысль о наличии устной наддиалектной нормы литовского языка, сформировавшейся в недрах словесного народного творчества и использовавшейся также в официальной, религиозной и политической сферах коммуникации.

М. Н. Петерсон оценивает сложность языка времён Катехизиса, рассматривая синтаксические явления в стихотворении — единственной непередаваемой части книги. Он устанавливает, что сложные предложения составляют более одной трети текста: из пятидесяти трёх предложений тридцать четыре — простые, а девятнадцать — сложные. М. Н. Петерсон находит в стихотворении примеры сложных предложений с бессоюзием, союзами *jei, jog, idant, bo, a*, с относительными местоимениями *kursai, kurio, kurias*. Таким образом, в тексте стихотворения представлены все типы сложного предложения [Петерсон 1947: 9].

Круг проблем, связанных с существованием устной наддиалектной нормы литовского языка, определил и вторую часть работы М. Н. Петерсона: проведение статистического анализа типов предложений на материале предисловия к «Катехизису». При этом автор не стремился к развёрнутому синтаксическому исследованию. Существенным было лишь показать, что типы предложений, представленные в современном литературном языке, выработаны до создания письменности, то есть эпоху существования устной литературной нормы, наличие которой обусловило богатство и выразительность литовского синтаксиса к XVI веку. Изучение предложения, его формы, строения и внутренней специфики по данным литовского «Катехизиса» в понимании М. Н. Петерсона должно быть подчинено более общей задаче, сформулированной им следующим образом: «понять смысл синтаксических форм старолитовского языка и проследить развитие его синтаксического строя с XVI века до наших дней.

«Стихотворное предисловие к «Катехизису», которое носит название «Разговор самой книги с литовцами и жемайтами», содержит такие выразительные языковые средства, как обилие обращений: *brali seseris, o jus kunigai, ach ponai*, тавтологические сочетания: *tur turety, maksla makety, dawanai dawanaty*, сочетания практического типа: *dagu czeme, sunus dukteris*,

плеонастические повторы: *veizdeikiete ir dabakietese*, усилительные выражения: *negaleia ne wenu budu* и другие приёмы, свойственные эмоционально-изобразительной риторической речи. Связь языка предисловия с высокими формами устного словесного творчества предопределяет обилие архаичных черт в фонетическом и грамматическом оформлении слов: *brali, szadin, eit, bendu, iusump*, перенос инфинитива и форм повелительного наклонения в конец предложения, явления синтаксического параллелизма и т. п. Анализ поэтических особенностей текста показал, что, используя широко распространённый в западноевропейской религиозной литературе элегический дистих, М. Мажвидас перестроил его, приближая к устной народной поэзии. В свете этих данных предисловие к первому памятнику литовской письменности может быть определено как своеобразный мост от языка устной народной словесности к языку книжной литературы» [Нецецкая 1997 с. 26].

«Проблема языка «Катехизиса» со времени А. Шлейхера ставилась неоднократно и решалась по-разному. Так, Хр. Станг, пытаясь уточнить диалектные особенности говора М. Мажвидаса, причислил язык первой литовской книги к северо-западному жемайтскому ареалу, хотя и обнаружил в нём отдельные аукштайтские черты. При некоторых разногласиях в локализации основы языка «Катехизиса», связанных с переплетением в нём разнодиалектных жемайтских особенностей, наличие в тексте аукштайтских фонетических, морфологических и лексических элементов было отмечено и другими исследователями. Эти явления объяснялись, как родством и сотрудничеством М. Мажвидаса с аукштайтами, так и его новаторской деятельностью, направленной на преодоление областного сепаратизма. Согласно другой точке зрения, М. Мажвидас явился лишь распространителем сложившегося несколько раньше межрегионального языка литовского духовенства. Сторонники данной интерпретации склонны были считать язык первой литовской книги «искусственным письменным языком» проповедников-протестантов, которые, в частности, перевели на литовский язык ряд псалмов, включённых в труд М. Мажвидаса» [Нецецкая 1997 с. 25].

«Гипотеза Михаила Николаевича о том, что источником языка первой литовской книги явился наддиалект эпохи позднее родового строя, существенно пошатнула позиции этих исследователей, так как в пользу концепции М. Н. Петерсона свидетельствует тот факт, что именно устная литературная норма, отражая определённый этап языковой концентрации и обладая достаточной степенью стандартизованности, характеризуется

функционально-стилистическим обособлением от обиходных форм речи, отказом от узкодиалектных признаков.

Социолингвистическую ориентированность сочетания разнодиалектных элементов в литовском «Катехизисе» подтверждает также наблюдение Хр. Станга, согласно которому язык М. Мажвидаса, несмотря на некоторую вариативность форм составляет одно целое. Столь высокая степень унифицированности наводит на мысль о реализации определённой языковой традиции: обобщённых форм устной речи, коллективно обработанной и приспособленной для выполнения художественных и стилистических функций» [Нецецкая 1997 с. 26].

М. Н. Петерсон считал изучение Катехизиса Мажвидаса важным для понимания развития синтаксического строя литовского языка.

В статье говорится и о словаре стихотворения. Тот факт, что заимствования не составляют значительную часть текста свидетельствует о наличии в литовском языке достаточных средств для выражения содержания религиозно-поучительного текста.

М. Н. Петерсон перечисляет заимствования из славянских языков в порядке их следования в памятнике. Все эти заимствования говорят о тесном общении литовцев со славянами. Не менее интересны и исконно-литовские слова.

М. Н. Петерсон выделил из 682 лексем предисловия 44 заимствования, отражающие характер взаимодействия национальных культур (например, *paszitka*, *peklas*, *nedelias*, *sweta*, *basznicza*, *suda*, *panai* и т. п.) а также некоторые особенности речевого общения литовцев и носителей славянских диалектов, поскольку наличие в предисловии к «Катехизису» союзов *a*, *bo*, *ale* указывает на длительное соприкосновение их носителей и предполагающей адаптацию тех элементов речевого общения, которые, оформляя синтаксические конструкции, укладывались в рамки языковой системы, обогащая её возможности [Петерсон 1947: 9].

Лингвистический анализ предисловия к литовскому «Катехизису» Михаил Николаевич проводил в русле методики, сложившейся в его многочисленных работах по общему и русскому языкознанию, где высказывалась мысль о необходимости изучения языка в неразрывной связи с историей общества. Характеризуя язык М. Мажвидаса как отражение наддиалектной традиции, М. Н. Петерсон установил, что из 682 слов

стихотворного текста большинство вошло в современный литовский литературный язык. Таким образом, с помощью статистического анализа, обеспечивающего строгую доказательность обобщений, впервые обнаружилась ярко выраженная преемственность между лексикой устных и письменных литературных норм и «Простые слова катехизиса» (Catechismusa prasty szadei) были определены как «начало общелитовского письменного языка».

Исследование М. Н. Петерсона, отличаясь системной трактовкой лексических данных памятника, отражает также и учёт влияния экстралингвистических факторов на становление этой системы. Применение статистического анализа при разборке лексики стихотворного предисловия к «Катехизису» не только показало богатство словаря М. Мажвидаса, но и позволило выявить проблему взаимодействия литовского языка со славянскими языками, наметить пути и формы обогащения лексического состава языка» [Невецкая 1997: 27].

«Строение предложения в поэме К. Донелайтиса «Времена года»

Ряд новых и интересных идей высказал М. Н. Петресон в статье, содержащей анализ синтаксических особенностей поэмы Кристионаса Донелайтиса «Времена года».

Творчество основоположника литовской художественной литературы К. Донелайтиса вызвало к жизни исследования нескольких поколений литуанистов, каждое из которых, заново вглядываясь в текст поэмы «Времена года», анализирует её художественные достоинства, проводит стиховедческий анализ, уделяет пристальное внимание особенностям языковых форм. Публикация статьи М. Н. Петерсона в юбилейном сборнике, посвящённом 250-летию со дня рождения К. Донелайтиса, свидетельствует о высокой оценке данного исследования литовскими языковедами, специалистами в области донелайтистики.

Выдвигая в качестве необходимого условия лингвистического анализа изучения языка писателя в тесной связи с анализом жанра и композиции литературного произведения, М. Н. Петерсон отметил, что определение дидактическая поэма применимо к «Временам года» весьма условно. Однако при этом исследователь имел в виду не жанровую модификацию, ускользающую от чёткого определения, а новую трактовку оригинальности и своеобразия поэмы, что породило длительные споры. Указывая, что единство произведения при отсутствии единой фабулы и единого сюжет создаёт его герой — крестьянство Малой Литвы XVIII века, М. Н. Петерсон тем самым раскрыл эту трактовку, ибо единство идеи как главный признак жанра характерно для поэм с новеллической структурой, находящихся на стыке эпической и лирической поэзии, когда субъективность новеллы выражается в тяготении к философичности, дидактичности, эмоциональной окраске действительности.

Для проведения лингвистического анализа на материале художественного произведения важен не только учёт жанровых особенностей и конкретно-исторических факторов, определивших творческий замысел автора, но и учёт языковых отношений эпохи его создания. Так, поэма Донелайтиса была написана в период, когда литературная норма литовского языка ещё окончательно не сложилась. Можно предположить, что обращение М. Н. Петерсона к анализу синтаксиса поэмы во многом объясняется тем, что расхождения, обусловленные

диалектным дроблением, касаются преимущественно фонетических явлений, а также лексики и отчасти морфологии, в то время как языковая дифференциация, обусловленная жанровой спецификой памятника, реализуется прежде всего в стилистико-синтаксических закономерностях.

М. Н. Петерсон впервые рассмотрел синтаксис поэмы «Времена года» как синтаксис обрамлённого диалога, когда каждый из персонажей произносит речь, сопровождаемую комментариями автора, причём речь автора представляет собой не бесстрастное повествование, а носит отчётливо выраженный дидактический характер, то есть предполагает обращение к читателю или герою [Нецецкая 1997 с. 29]. В свете филологической интерпретации текста нашло объяснение преобладание в нём различных типов предложений, начинающихся с союзов, то есть находящихся в тесных смысловых отношениях с предыдущим высказыванием собеседника, обилие восклицательных предложений, вопросительных предложений риторического характера, большое число сложных обращений.

Крупный специалист в области теоретического синтаксиса, М. Н. Петерсон, рассматривая языковую форму как единство способа выражения и языкового значения, провёл анализ синтаксической структуры предложений в двух аспектах: со стороны конструкции и с точки зрения цели высказывания. При этом было установлено соотношение простых и сложных предложений в речи персонажей и в речи автора, соотношение типов связи частей сложного предложения, описано многообразие функций отдельных синтаксических конструкций, показана различная роль предложений с бессоюзной связью в диалоге и в монологической речи.

Проводя системный анализ синтаксических моделей, М. Н. Петерсон видел в синхронии текста не только статику, но и динамику.

Существенным элементом его исследования является синтез принципов синхронического и диахронического подхода. Опираясь на особенности контекста и используя статистический критерий, М. Н. Петерсон на материале одного произведения применил исторический принцип к изучению синтаксических явлений и наметил относительную хронологию возникновения отдельных типов предложения в литовском языке. Так им была высказана мысль о том, что соединение частей сложных предложений посредством относительных местоимений является самым поздним по времени возникновения типом синтаксической связи, поскольку этот способ в процентном отношении наименее употребителен, а

выражаемые им значения менее разнообразны, чем значения союзных предложений.

Статья М. Н. Петерсона, посвящённая синтаксическим особенностям поэмы К. Донелайтиса «Времена года» не включала в себя полемического момента. Однако её появление показало несостоятельность попыток ряда западных филологов отрицать глубоко народные истоки языка и творчества основоположника литовской художественной литературы, оценивать его произведение как результат смешения разнообразных литературных традиций, лишённый национальной специфики и самобытных черт [Нецецкая 1997 с. 30].

Дидактический характер поэмы, связанный с распространением идей эпохи Просвещения, отзвуки литературных течений классицизма и сентиментализма, использование гекзаметрического стиха — все эти особенности произведения К. Донелайтиса побудили литературных критиков искать в нём следы влияния поэмы Гесиода «Труды и дни» и «Георгик» Вергилия, а также жанровые и текстуальные параллели к произведениям авторов XVIII века Дж. Томсона, К. Клейста, И. Виланда, Ж. Сен Ламбера и др. Исследование М. Н. Петерсона убеждает, однако, что сравнение поэмы «Времена года» с произведениями античной и западноевропейской литературы справедливо лишь в том смысле, что творчество любого поэта не может быть отделено от классических образцов и литературы его времени, будучи связано с ними общими эстетическими канонами и определённым тематическим сходством. Общефилологический анализ, проведённый в статье М. Н. Петерсона, показал, что самоопределение К. Донелайтиса как первого литовского поэта проявилось не только в переосмыслении художественных традиций путём обогащения жанровой палитры, проблематики и галереи литературных образов, но сказалось также на особенностях стихотворной формы и на самом подвижном элементе художественной структуры произведения — языке.

При использовании классического гекзаметра, который обеспечивал амбивалентность стихотворного размера и содержания за счёт развёрнутого синтаксиса, фиксирующего внимание читателя на деталях повествования и позволяющего отразить конкретную образность народной речи, К. Донелайтис приблизил метрику к особенностям литовского языка. Отступив от привычных правил рифмы и учитывая специфику литовского словесного ударения, поэт строил стихосложение не на количестве гласных, как это имело место в античную эпоху, а на чередовании ударных и

безударных слогов. Стихотворный размер К. Донелайтиса, определяемый как «тонический гекзаметр», гораздо больше соответствует народной тематике творчества поэта, обнаруживает глубокие внутренние связи его произведения с литовским фольклорным стихом и присущими ему языковыми особенностями.

К. Донелайтис много работал над художественным словом, был требователен к точности выражений, к простоте и естественности языка, всячески избегая помпезного стиля, господствовавшего в литературе классицизма и сентиментализма [Нецецкая 1997 с. 31]. Характерная для поэмы «Времена года» выдержанность единого стиля лексики, фразеологии и синтаксиса, обеспечившая большую художественную образность, была достигнута за счёт того, что диалогическая форма сближает язык произведения со стилистическими закономерностями разговорной речи. Структура поэмы, задачи речевой характеристики персонажей и содержание авторских монологов обусловили при этом своеобразную реализацию отдельных элементов синтаксического строя.

Так, определяя относительную частотность употребления союзов и круга значений, выражаемых каждым из них, М. Н. Петерсон установил, что союз *kad* засвидетельствован в 452 случаях, в то время как на остальные союзы в общей сложности приходится 373 случая употребления. Широкое использование союза *kad*, отличающее язык Донелайтиса и от современных ему литовских авторов Восточной Пруссии, и от норм сложившегося позднее литературного языка, может быть объяснено тем, что в устах персонажей поэмы союз *kad* заменяет причастные обороты, приближая их язык к просторечью.

Указывая, что изучение строения предложения в произведениях других литовских писателей даст возможность уточнить и конкретизировать особенности развития отдельных синтаксических типов в истории литовского языка, М. Н. Петерсон имел в виду, что в отличие от исторической фонетики и морфологии, в процессе исследования которых должен быть активно использован широкий спектр диалектных данных, исторический синтаксис изучается лишь на основе литературной разновидности языка. При этом исследователь исходил из неразрывности связи литературного языка с языком лучших представителей словесного художественного творчества на основании взаимопроникновения сформировавшейся литературной традиции и своеобразия языка писателя,

обусловленного тем, что отдельные языковые особенности являются выразителями художественного произведения как целостной системы.

Небольшие, но весьма трудоёмкие и богатые идеями статьи М. Н. Петерсона, посвящённые истории становления литовского литературного языка — это работа незаурядного, талантливое филолога. И выбор языкового материала, и направление работы над ним, и поставленные исследовательские задачи не только позволили автору подвергнуть анализу ряд моментов, ускользнувших от внимания его предшественников, но и затронуть на конкретном лингвистическом материале важнее общетеоретические проблемы [Невецкая 1997 с. 32]. Умение М. Н. Петерсона заметить и сформулировать актуальную проблематику, разработать методику, позволяющую извлечь из научных фактов новую и убедительную информацию, неоднократно отмечали литовские языковеды, которые дали высокую оценку его исследованиям, охарактеризовав их как очень удачные и интересные работы, явившиеся определённым шагом в поступательном развитии литовского языкознания [Невецкая 1997 с. 33].

«Очерк литовского языка»

В 1955 году выходит в свет книга профессора М. Н. Петерсона «Очерк литовского языка». Эта работа составляет существенную часть литуанистического наследия М. Н. Петерсона.

Как отмечает сам М. Н. Петерсон в предисловии, «Очерк литовского языка» предназначается для всех интересующихся изучением этого языка и желающих ознакомиться с его основами. Данный труд является плодом многолетней педагогической деятельности М. Н. Петерсона. Он предназначен для филологически подготовленной аудитории [Петерсон 1955: 3].

В очерке содержатся объяснения с примерами, ссылками на специальную литературу и текстами для самостоятельного лингвистического анализа.

Ко времени создания «Очерка» не существовало достаточного количества пособий по литуанистике. При этом пособие М. Н. Петерсона выгодно отличается от устаревших руководств А. Лескина и А. Зенна, не соответствовавших возросшим научным требованиям.

К моменту написания «Очерка» лингвистическая концепция М. Н. Петерсона полностью сложилась. В «Очерке» отразились основные положения М. Н. Петерсона в подходе к исследованию языков: объяснение языковых фактов в рамках системы самого языка, применение точных статистических методов исследования, осмысление языковых фактов в их историческом развитии, соблюдение условия работать только с оригинальным, связным текстом.

Данный труд М. Н. Петерсон строит на основании собственных длительных исследований и в результате многолетних наблюдений над живым литовским языком.

М. Н. Петерсон включает в свой очерк сведения о частотности явлений разных языковых уровней, свои оригинальные наблюдения над типами музыкального ударения, над характером морфологических форм и синтаксических конструкций литовского языка, основываясь на проделанной им исследовательской работе по современным и более ранним литовским текстам.

В изложение постоянно вкрапливаются добытые самим автором и ценные для компаративистики справки исторического характера; рассказ о своеобразии литовского языка постоянно ведётся на фоне явлений в родственных индоевропейских языках и в сравнении с ними.

В этой работе описывается фонетика, лексика, морфология и синтаксис. В ней также приводятся краткие сведения об истории изучения литовского языка, о диалектах и литературном языке и о памятниках литовского языка. Такие разделы, как литовский язык и его отношение к другим языкам — балтийским (латышскому и древнепрусскому) и славянским; отношение звуков литовского языка к звукам родственных языков; литовские слова, родственные со словами других индоевропейских языков; отношение литовских типов склонения к типам склонения родственных языков и некоторых других индоевропейских языков, посвящены сравнению с близкородственными ему славянскими и другими индоевропейскими языками.

В конце очерка приводятся подобранные М. Н. Петерсоном литовские тексты из сборников «Проза советской Литвы» (1940 — 1950) и «Поэзия Литвы», а также рассказы К. Марукаса «Счастье» и Довидайтиса «Прекрасное утро» и словарь к ним. И. Ф. Бальчиконис оказал помощь в подборе данных текстов. В. П. Мажюлис и Т. В. Булыгина приняли участие в чтении корректур.

В главе «Из истории изучения литовского языка» рассказывается об истории возникновения письменности, Катехизисе Мартинаса Мажвидаса. М. Н. Петерсон также упоминает о трудах по литуанистике таких учёных, как создатели грамматик литовского языка К. Ширвид, Клейн, Ф. Куршат, Шлейхер, К. Явнис, исследователь диалектов А. Баранаускас, автор исследований старых литовских текстов А. Беценбергер, издатель «Постиллы» Н. Даукши, О. Видеман, исследователь балтийских языков К. Буга, автор работ, посвящённых проблемам славяно-балтийской филологии Я. Эндзелин, Брюкнер, Ф. Ф. Фортунатов и его ученики Г. К. Ульянов, В. К. Поржезинский [Петерсон 1955: 5–7].

Глава «Диалекты и литературный язык» посвящена возникновению и классификации диалектов литовского языка. Опираясь на «Грамматику литовского языка» К. Явниса, М. Н. Петерсон подробно описывает аукштайтское и жемайтское наречие, а также их поднаречия и различия между ними. Выделяются следующие особенности аукштайтов: произнесение пралитовских сочетаний *tja*, *tjai*, *dja*, *djai*, как *še*, *šei* или *šia*,

čiai, dže, džeі (иначе *džia, džiai*), а *ė* как узкое долгое \bar{e} , например, *jaičiai* 'быкам', *medžiams* 'деревьям' и т. д. Жемайты же изменили дифтонг *tja, tjai, dja, djai* в *te, tei, de, dei*, *ė* произносятся как дифтонг *ie*, например: *jautems* 'быкам', *medems* 'деревьям', *sieti* 'сеять', *dieti* 'клась', а монофтонг *o* как *uo*, например: *bruolis* 'брат'. К аукштайтским поднаречиям автор относит западное, среднее и восточное, фонетическим критерием для которых являются дифтонги *am, an*, и *em, en* и звукосочетание *lė*. Жемайтские поднаречия по произношению дифтонгов *ie, uo* делятся на юго-западное, северо-западное и юго-восточное. Петерсон также отмечает существование переходных говоров между средним и восточным аукштайтскими наречиями.

Говоря о становлении литовского литературного языка, М. Н. Петерсон отмечает роль И. Яблонскиса в его разработке, упоминает о ряде работ Э. Германа, А. Зенна [Петерсон 1955: 7–10].

Глава очерка о письменных памятниках литовского языка начинается с упоминания о Катехизисе Мартинаса Мажвидаса — «Catechismusa prasty szadei» 1547 года. Далее речь идёт о произведениях, изданных до 1701 года. Среди них наиболее важны «Postilla» Бреткунаса 1935 года и Катехизис Н. Даукши 1595 года. Среди произведений, вышедших в XIX веке, М. Н. Петерсон выделяет «Сборник народных песен прусской Литвы» (Кёнигсберг, 1825), сборники жемайтских песен С. Станевича («*Daunas žemauszių*». Вильнюс 1829), Даукантаса (*Dajnes Žiamajtių. Petropolie*, 1846), Нессельмана (*Litauische Volkslieder*, 1853). «Литовские народные песни» Ф. Ф. Фортунатова и В. Миллера (1872), литовские народные песни, записанные А. Юшкевичем [Петерсон 1955: 10–12].

В главе «Литовский язык и его отношение к другим языкам» кратко описываются отношения со славянскими и германскими языками [Петерсон 1955: 12].

В главе «Литовское письмо» приводится алфавит, объясняются основные правила правописания, значения букв, рассказывается о типах ударений [Петерсон 1955: 13–14].

В разделе «Фонетика» М. Н. Петерсон даёт подробную характеристику гласных, дифтонгов и согласных, описывает живые и исторические чередования согласных и гласных [Петерсон 1955: 15–18].

В главе «Ударение» М. Н. Петерсон отмечает наличие музыкального и выдыхательного (экспираторного) элементов в литовском ударении,

упоминает о том, что Шлейхер не выделял музыкального элемента и обозначал только место ударения и долготу. Подчёркиваются заслуги Куршата в деле изучения музыкального ударения, имевшего большое значение для языкознания, приводится его описание нисходящего и восходящего ударений. Способ постановки ударения в дифтонгах и дифтонгических сочеланиях, используемый Куршатом, сравнивается со способом Шлейхера [Петерсон 1955: 18–20].

Большое внимание М. Н. Петерсон уделяет отношению звуков литовского языка к звукам родственных языков. В главе «Ударение» проводится сравнение гласных, дифтонгов и согласных литовского, латышского, прусского, старославянского, греческого, русского, немецкого, готского, древнеиндийского языков. Отмечаются соответствия звуков в этих языках [Петерсон 1955: 20–26].

Начало раздела «Лексика» посвящено употребительности различных типов слов литовского языка. М. Н. Петерсон отмечает, что в текстах, записанных в произношении И. Яблонскиса несамостоятельные слова составляют 15%. Но несмотря на это самостоятельные слова повторяются значительно реже несамостоятельных. Самостоятельные слова М. Н. Петерсон разделяет на местоимённые и неместоимённые. К местоимённым относятся слова, обозначающие или предметы в их отношении к речи: *aš, tu, jis*, или отношения, существующие в речи: *šis, tas, čia, tenai*. Местоимённых слов в литовском языке значительно меньше, чем местоимённых, но повторяются они чаще.

Далее М. Н. Петерсон анализирует степень употребительности других разрядов самостоятельных слов. Самым употребительным он называет существительное, вторым по употребительности — глагол. После глагола следуют прилагательное и наречие [Петерсон 1955: 27–28].

Петерсон подчёркивает, что словарь литовского языка указывает на его родство с другими индоевропейскими языками. Это утверждение подкрепляется списком литовских слов, сходных со словами древнеиндийского, греческого, латышского, русского, старославянского, латинского, готского и немецкого языков. Примеры поделены на следующие группы: некоторые бытовые слова, названия родства, названия животных, названия растений, названия некоторых предметов, названия частей тела, числительные [Петерсон 1955: 28–31].

Также в главе «Лексика» даётся список глаголов и имён, свойственных исключительно балтийским и славянским языкам [Петерсон 1955: 31–32].

В конце главы М. Н. Петерсон рассуждает о соотношении исконно литовских и заимствованных слов. Он утверждает, что подобное соотношение можно установить только в связных текстах. Только в них, а не в словарях можно определить коэффициент употребительности. В качестве примера М. Н. Петерсон берёт вступительное стихотворение Катехизиса Мартинаса Мажвидаса 1547 года. Установлено, что в нём заимствования составляют лишь 6,5%. В зависимости от характера текста данное соотношение меняется, однако, для заимствованных слов оно не превышает 10%.

М. Н. Петерсон считает, что литовские сказки, в частности, записанные Шлейхером, дают хорошую почву для исследования количества заимствований в литовском языке.

По мнению М. Н. Петерсона, источник заимствования можно установить, понаблюдав за языковыми приметами. На заимствования из белорусского языка указывают: полногласие (*karalius*), литовское *ū* в соотношении с русским *у* из носового (*būbnas*), литовское *ė, ie* в соотношении с русским *а (я)* (*prisiėkti*). Для заимствования из русского и польского языков характерны следующие приметы: литовское *k* в соотношении с русским *х*, польским *ch* (*kytras*), литовское *č* в соотношении с русским *ч*, польским *cz* (*magaryčios*), литовское *z* в соотношении с русским *з*, польским *z* (*razbaininkas*) [Петерсон 1955: 32–33].

В разделе «Морфология» М. Н. Петерсон наглядно представляет разряды слов литовского языка в виде схемы. К самостоятельным словам относятся именные слова (существительные, прилагательные и наречия), глагол и слова-междометия вне сочетания с другими словами в предложении. Группе несамостоятельных слов принадлежат предлоги, союзы, частицы и вспомогательный глагол [Петерсон 1955: 34–35].

Далее М. Н. Петерсон описывает морфологические категории существительного, выделяет шесть типов склонения существительных литовского языка:

1. *vyras* ‘мужчина’, *vėjas* ‘ветер’, *brolis* ‘брат’, *gaidys* ‘петух’
2. *liėpa* ‘луна’, *marti* ‘невестка’

3. *auklè* ‘няня’
4. *nosis* ‘нос’
5. *sūnus* ‘сын’
6. *aktuo* ‘сын’

Наиболее употребительным М. Н. Петерсон считает первый и второй типы.

На каждый тип даются примеры склонения существительных во всех падежах, в единственном, множественном, а также двойственном числе. Описываются типы ударения и акцентуация каждого типа.

По типу и месту ударения в слове М. Н. Петерсон разделяет двусложные существительные на четыре группы:

1. Ударение не находится на конечном слоге. Существительные с неподвижным ударением: *vyras*, *liepa*, *auklè*, *nosis*.
2. Ударение на конечном слоге только в группе дательного падежа множественного числа: *vergas* ‘раб’, *galva* ‘голова’, *giesmè* ‘песня’, *širdis* ‘сердце’, *sūnus* ‘сердце’.
3. Ударение на конечном слоге только в группе винительного падежа множественного числа: *ranka* ‘рука’, *žemè* ‘земля’, *smertis* ‘смерть’, *vaisius* ‘плод’.
4. Ударение на конечном слоге и в группе дательного падежа множественного числа, и в группе винительного падежа множественного числа: *vaikas* ‘ребёнок’, *terga* ‘девка’, *žolè* ‘трава’, *avis* ‘овца’, *dangus* ‘небо’.

Ударение в многосложных существительных рассматривается отдельно в каждом типе.

Окончания падежей каждого типа склонения М. Н. Петерсон сопоставляет с аналогичными в родственных языках и приводит примеры на каждый тип [Петерсон 1955: 35–48].

Далее с примерами М. Н. Петерсон описывает склонение местоимений, прилагательных, числительных, рассказывает о наречиях и их степенях сравнения [Петерсон 1955: 48–55].

Глава «Глагол» начинается с описания лексического значения литовского глагола.

М. Н. Петерсон даёт морфологическую характеристику глагола, разделяет личные окончания глаголов на тематические и не тематические, приводит примеры, описывает категорию времени, наклонения, залога, рассматривает типы причастий, деепричастий, неопределённую форму и супин.

М. Н. Петерсон подробно описывает ударение в простых и сложных глаголах в настоящем и прошедшем времени, приводит образцы спряжения [Петерсон 1955: 55–64].

В конце раздела «морфология» М. Н. Петерсон останавливается на описании несамостоятельных слов, к которым относит вспомогательные глаголы, предлоги, послелого, союзы и частицы [Петерсон 1955: 64–66].

Большая по объёму глава очерка посвящена синтаксису. В ней рассматриваются типы предложений. М. Н. Петерсон выделяет три типа:

1. Части сложного предложения соединяются без союзов.
2. Части сложного предложения соединяются посредством союзов.
3. Части сложного предложения соединяются посредством относительных местоимений.

Описываются случаи употребления данных типов, приводятся примеры.

Типам соединения слов и их значениям посвящена большая часть главы «Синтаксис», а именно подглавы «Именительный падеж и личный глагол», «Прилагательное-существительное», «Падежные конструкции», «Конструкции с вспомогательным глаголом», «Предложные конструкции», «Конструкции с союзами», «Бессоюзное соединение слов», «Конструкции с наречиями», «Конструкции с деепричастиями», «Конструкции с неопределённой формой».

М. Н. Петерсон подчёркивает, что его описание является кратким, а область синтаксиса литовского языка мало затронута исследователями [Петерсон 1955: 67–84].

«Проблема употребительности морфологических форм и синтаксических конструкций существенна и в теоретическом, и в

практическом плане. Теоретическая ценность этой проблемы состоит в том, что подобного рода исследования помогают установить причинно-следственные связи морфологических изменений, выявить определённые закономерности и тенденции в истории грамматического строя литовского языка. Практическая ценность заключается в конкретизации методики обучения языку. Таким образом, продолжая традиции Ф. Ф. Фортунатова, в изучении и преподавании литовского языка, М. Н. Петерсон стремился к пропаганде новых аспектов и новых возможностей лингвистического анализа» [Неццкая 1997 с. 34].

Для своего очерка М. Н. Петерсон отобрал следующие литовские тексты: Petras Cvirka «Pasakos», «Lakštingala», A. Baranauskas «Anykščių šilelis», Maironis «Tautiška daina», литовские песни из сборников Резы и Юшкевича, Ieva Simonaitytė «Automobilis», Justas Palemonas «Šviečia ir švies», Juozas Baltušis «Partizanas Daura», K. Marukas «Laimė», J. Dovydaitis «Gražus rytas», поэтические произведения Саломеи Нерис, Витаутаса Монтвилы, Валерии Вальсюнене, Вациса Реймериса, Людаса Гиры.

На основе вышеназванных текстов М. Н. Петерсоном был составлен словарь, который приводится в конце очерка.

В тексте «Очерка литовского языка» были замечены следующие опечатки:

Страница	Строка	Напечатано	Следует
14	10 сверху	teisỹbė	teisýbė
14	15 сверху	cėntras	ceñtras
14	15 сверху	civilizàcija	civilizãcija
14	26 сверху	hektàras	hektãras
18	7 сверху	santakỹs	sántaka
19	20 сверху	dvỹnas	dvynỹs
29	12 снизу	ėlnis	ėlnias
30	1 сверху	bėbrus	bėbras
39	6 снизу	ėlnis	ėlnias

39	3 снизу	elksnis	alksnis
44	21 сверху	krỹžiu	krỹžius
143	7 сверху	pāsaga	pasagà

«В некоторых местах очерка встречаются мелкие неточности, происшедшие, по-видимому (не по вине автора), вследствие пользования не совсем достоверными источниками. Эти неточности наблюдаются почти исключительно в постановке ударения и в определении интонаций литовских слов. Должно заметить, что в некоторых случаях неточности являются только описками, происшедшими во время переписки работы на пишущей машинке, не совсем приспособленной для литовского текста» [Juozas Balčikonis 1978: p. 196]

Юозас Бальчиконис так пишет об «Очерке литовского языка»: «Следует приветствовать этот труд и как первый вклад в дело сравнительного изучения балтийско-славянских языков, поскольку до сих пор не имелось работы, систематически излагающей сведения по грамматике литовского языка. Связь балтийской филологии с наукой славянского языковедения придаёт работе профессора Петерсона особо актуальный характер. Наконец, литовская лингвистическая наука давно нуждается в контакте с русской филологической наукой. Ей нужна определённая поддержка в разработке вопросов балтийской филологии» [J. Balčikonis 1978: 105–106].

«Очерк литовского языка» профессора М. Н. Петерсона до сих пор является ценным пособием по литуанистике, высоко ценимым специалистами и в нашей стране, и за рубежом» [Кочергина 1996: 111].

«Рецензентами отмечено богатство и разнообразие хрестоматийного материала, который не только способствует закреплению полученных лингвистических сведений, но и развивает чувство языка, позволяет ознакомиться с особенностями идиоматики, фразеологии, словоупотребления, со стилистическими средствами произведений различных жанров, проследить динамику языкового развития на материале письменной литературы, даёт представление о нормах современной литовской речи, раскрывает национальное своеобразие словесной культуры литовского народа» [Нецецкая 1997 с. 34].

«Изучение русского языка литовцами»

Работы профессора М. Н. Петерсона по литовскому языку получили широкое признание и высокую оценку со стороны учёных Литвы. М. Н. Петерсона связывали с литовскими языковедами длительные научные и личные контакты. Он активно участвовал в решении ряда практических задач, вставших в то время перед учёными Литвы. Так, ещё в 1941 году появляется его статья «Изучение русского языка литовцами».

Статья «Изучение русского языка литовцами» была напечатана в журнале «Русский язык в школе». М. Н. Петерсон работал над проблемой улучшения и научного обоснования изучения русского языка литовцами. Свои предположения он изложил в данной статье, предназначенной для преподавателей русского языка в Литве.

В своих рассуждениях М. Н. Петерсон исходит из сравнения литовского языка с русским. Такой подход помогает выявить трудности, с которыми сталкиваются литовцы при изучении русского языка.

Петерсон отмечает весьма значительные различия фонетики русского и литовского языков. В связи с этим автор приступает к описанию ударения, сравнивает звуки обоих языков, отмечая наиболее сложные случаи произношения, даёт рекомендации по устранению трудностей, среди которых произношение гласного *ы*, согласных *ф*, *х*, *ц*, групп согласных *пл*, *бл*, *кл*, *гл*, *пр*, *бр*, *кр*, *гр* [Петерсон 1941: 67].

Среди трудностей графики и орфографии русского языка для литовцев М. Н. Петерсон называет обозначение мягкости и *j*. По мнению автора, написания, не соответствующие произношению составляют основную трудность русской орфографии. В этом случае предлагается начать изучение с написаний, проверяемых морфологическими соотношениями. Изучать их следует в тесной связи с грамматикой. М. Н. Петерсон располагает такие написания по степени их употребительности и по грамматическим категориям. Также предлагается методика изучения написания слов с согласными буквами, не обозначающими звуков. При рассмотрении сложных случаев М. Н. Петерсон рекомендует сопоставлять русские слова с литовскими [Петерсон 1941: 68–70].

При изучении русского словаря автор статьи предлагает использовать сравнение русских слов с литовскими, приводит список слов, подходящих для подобного сравнения [Петерсон 1941: 70].

В морфологии у литовского и русского языков, в отличие от орфографии и фонетики, значительно больше общих черт. К ним относятся: способы образования форм, падежная система, формы залога, видовые различия и др.

Различия состоят в том, что в литовском языке утрачен средний род.

М. Н. Петерсон располагает типы склонения существительных русского языка по их употребительности, на основании чего рекомендуется определять порядок изучения типов склонения.

Далее автор описывает особенности прилагательных числительных, глагола. Больше всего различий в глаголе. Например, в литовском языке одна форма третьего лица употребляется для всех чисел.

Как утверждает М. Н. Петерсон, все существующие между русским и литовским языками различия требуют более тщательной и рациональной организации изучения литовского языка [Петерсон 1941: 70–71].

В своей статье М. Н. Петерсон касается и вопросов синтаксиса. Различия в синтаксисе также необходимо принять во внимание при составлении учебных программ [Петерсон 1941: 71].

Есть у Михаила Николаевича и специальные исследования по литовскому языку. Самое раннее из них — рукопись «Литовский глагол». В рукописи осталось ещё несколько исследований.

В архиве М. Н. Петерсона сохранились многочисленные переводы с литовского, которые делал Михаил Николаевич с 1913 года и до последних дней жизни: литовские сказки и песни, литовские загадки. К сожалению, десятки страниц переводов так и остались неизданными [Кочергина 1996: 111].

М. Н. Петерсон внимательно следил за работами литовских языковедов, переписывался с ними, знакомил их со своими исследованиями.

«У М. Н. Петерсона установились с академиком А. Бальчиконисом прочные научные связи, перешедшие затем в многолетнюю дружбу. Их связывали близость интересов, единство взглядов по ряду проблем,

бескорыстная преданность науке. Связывало их и сходное, исключительно ответственное отношение к воспитанию молодого поколения языковедов: и у М. Н. Петерсона, и у А. Бальчикониса имелось много учеников» [Кочергина 1996: 112].

В период, когда филологи Литвы включились в сферу идей и проблем советского языкознания, исследовательская деятельность М. Н. Петерсона, его внимание к работе литовских лингвистов, участие в решении практических задач языкового строительства, а также личные контакты с языковедами Литвы, по определению Ю. Бальчикониса, «несомненно укрепили литовско-русские братские научные связи. Рецензии и ссылки на работы М. Н. Петерсона в таких литовских изданиях как «Lietuvių kalbotyros klausimai» (Вопросы литовского языкознания), «Mokslų Akademijos žinios» (Известия Академии Наук), «Mokyklų kalba» (Язык школы), «Tarybinė mokykla» (Советская школа), упоминания в трудах по истории исследования литовского — всё это убедительно свидетельствует о надлежащей оценке деятельности М. Н. Петерсона в Литве.

«Литовских языковедов привлекают в творчестве М. Н. Петерсона высокий теоретический уровень, свежесть и острота мысли, оригинальность идей и глубина проникновения в материал. Благодарное и сердечное отношение к памяти М. Н. Петерсона отражает посвящённый ему раздел в книге А. Сабалаяускаса «Слова воскрешают» [Нецецкая 1997 с. 35].

Заключение

В данной работе была предпринята попытка описать вклад М. Н. Петерсона в литовское языкознание.

В ходе работы на основании каталога Института лингвистических исследований РАН, библиографических справочников «Lietuvos kalbotyros bibliografija», сборника памяти М. Н. Петерсона «Вопросы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков» была составлена библиография трудов М. Н. Петерсона. В неё вошли пятьдесят восемь работ, включая рецензии на его труды. Все работы расположены в хронологическом порядке. Отдельно выделены рецензии М. Н. Петерсона, рецензии на его работы и издания под его редакцией. Также в библиографии приводятся публикации о профессоре М. Н. Петерсоне.

К сожалению, не удалось включить в данную библиографию многие из работ М. Н. Петерсона, оставшиеся в рукописях в личном фонде М. Н. Петерсона в архиве РАН.

В данной работе рассмотрены наиболее актуальные работы М. Н. Петерсона по литуанистике. К таким работам относится «Древнейший памятник литовского языка». В этой статье решается проблема языка Катехизиса Мартинаса Мажвидаса. Благодаря применению новых методов при анализе автору удалось выявить проблему взаимодействия литовского языка со славянскими языками, наметить пути и формы обогащения лексического состава языка.

Ряд новых и интересных идей, высказал М. Н. Петресон в статье, «Строение предложения в поэме Кристионаса Донелайтиса «Времена года».

Был рассмотрен и «Очерк литовского языка» составляет существенную часть литуанистического наследия М. Н. Петерсона. В нём кратко, но доступно излагаются основы литовского языка. В тексте «Очерка литовского языка» были замечены некоторые опечатки. Все они указаны в таблице.

Статья «Изучение русского языка литовцами» описывает методы изучения, разработанные М. Н. Петерсоном и основанные на сравнении русского и литовского языка.

Все описанные в данной работе небольшие по объёму, но содержательные труды заслужили высокую оценку литовских языковедов,

отметивших как актуальность затронутых тем, так и удачно подобранный разнообразный материал.

Литература

1. В. А. Кочергина. Профессор М. Н. Петерсон. М. 1996.
2. В. А. Кочергина. Профессор Московского университета М. Н. Петерсон. // Вопросы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. Сборник памяти М. Н. Петерсона. М., 1997.
3. М. Г. Нецецкая. Литуанистическое наследие М. Н. Петерсона. // Вопросы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. Сборник памяти М. Н. Петерсона. М., 1997.
4. М. Н. Петерсон Очерк литовского языка. М., 1955.
5. М. Н. Петерсон Очерк синтаксиса русского языка. М. — П., 1923.
6. М. Н. Петерсон Древнейший памятник литовского языка. // Вестник МГУ. № 3. М., 1948. — с. 9–11.
7. М. Н. Петерсон. Изучение русского языка литовцами // Русский язык в школе. № 1. М., 1941. — с. 67–71.
8. М. Н. Петерсон Язык, как социальное явление. // Учёные записки Института языка и литературы. Т. I. М., 1927. — с. 3–20.
9. М. Н. Петерсон. Русский язык, как предмет преподавания // Родной язык в школе. Сб. 3. М., 1927. — с. 122–127.
10. J. Balčikonis. Rinktiniai raštai. T. I. V., 1978. — p. 195–196

Приложение

Библиография М. Н. Петерсона

1. Петерсон М. Н. К вопросу о предмете и объёме синтаксиса. Доклад М. Н. Петерсона о книге В. Гиппиуса «Учебник синтаксиса современного русского языка» // Русский язык в школе. Вып. 1. М., 1923. — с. 44–53.
2. М. Петерсон : Общая лингвистика // Печать и революция. № 6, М., 1923, — с. 26–32.
3. Петерсон. М. Н. Очерк синтаксиса русского языка. М. — П., 1923.
4. Петерсон. М. Н. К вопросу о построении синтаксиса (Ответ моим оппонентам) // Родной язык в школе. Сб. 8. М., 1925. — с. 76–84.
5. Петерсон. М. Н. По поводу книги А. А. Шахматова «Синтаксис русского языка». // Родной язык в школе. Кн. I. 1927. — с. 278–282.
6. Петерсон. М. Н. Русский язык, как предмет преподавания // Родной язык в школе. Сб. 3. М., 1927. — с. 122–127.
7. Петерсон. М. Н. Синтаксис Лермонтова. Этюд первый. Словосочетание типа «птица летит». // Slavia. R. 6. Praha, 1927, — s. 2–3.
8. Петерсон. М. Н. Язык, как социальное явление. // Учёные записки Института языка и литературы. Т. I. М., 1927. — с. 3–20.
9. Петерсон. М. Н. Фортунатов и московская лингвистическая школа. // Учёные записки МГУ. Вып. 107. Т. III. Кн. 2. М. — с. 25–36.
10. Петерсон М. Н. Конструкции с предлогом «из» у Лермонтова. // Сб. ст. Соболевского. М., 1928. — с. 410.
11. Петерсон. М. Н. Проблемы индоевропейского языковедения за 10 лет. (С 1917 до 1927) в СССР. // Учёные записки Института языка и литературы. Т. 3. М., 1928. — с. 10–19.
12. Петерсон М. Н. Введение в языковедение. М., 1929.
13. Петерсон. М. Н. Современный русский язык. М., 1929.
14. Петерсон. М. Н. Рецензия. Щерба Л. В. // Русский язык в современной школе. № 5. М., 1930. — с. 196–200.
15. Петерсон. М. Н. Синтаксис русского языка. М., 1930.
16. Петерсон М. Н. К вопросу о построении лексикологии. // Русский язык в школе. № 6. М., 1940., — с. 1–9.
17. Петерсон М. Н. О вопросах. // Русский язык в школе. № 9. М., 1940. — с. 38–40.
18. Петерсон. М. Н. Изучение русского языка литовцами // Русский язык в школе. № 1. М., 1941. — с. 67–71.
19. Петерсон М. Н. Лекции по современному русскому литературному языку. Пособие для студентов пединститутов. М., 1941.

20. Петерсон М. Н. Проблема метода в языкознании. // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып. I. М., 1946. — с. 3–8.
21. Петерсон М. Н. Система языка. М., 1946.
22. Петерсон М. Н. Г. О. Винокур (некролог) // Русский язык в школе. № 4. М., 1947. — с. 72–73.
23. Петерсон М. Н. Селищев, А. М. — деятель высшей школы. // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып. 4. М., 1947. — с. 83–84.
24. Петерсон М. Н., Ганшина К. А. Современный французский язык. М., 1947.
25. Петерсон М. Н. Древнейший памятник литовского языка. // Вестник МГУ. № 3. М., 1948. — с. 9–11.
26. Петерсон М. Н. О составлении этимологического словаря русского языка. // Вопросы языкознания. № 5. М., 1952. — с. 70–78.

27. Петерсон М. Н. Союзы в русском языке. // Русский язык в школе. № 5. М., 1952. — с. 28–34.
28. Петерсон М. Н. Задача курса «Введение в языкознание». // Вопросы языкознания. № 4. М., 1953. — с. 60–64.
29. M. Petersonas. R. Mirono straipsnis ir mokytojos R. Vladimirovos kritika // Tarybinė mokykla. № 3. V., 1953, — p. 46–47.
30. Петерсон М. Н. О частях речи в русском языке. // Вопросы грамматического строя. М., 1955. — с. 175–187.
31. Петерсон М. Н. Очерк литовского языка. М., 1955.
32. Петерсон М. Н. Система русского правописания. М., 1955.
33. Петерсон М. Н.. Строение предложения в поэме «Времена года» // Literatūra ir kalba. Kristijonas Donelaitis. Vilnius, 1965. — p. 252–263.
34. Петерсон М. Н. Глаголы говорения в древнеиндийском языке. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 6. М., 1985, — с. 53–57.

Рецензии М. Н. Петерсона

35. Петерсон М. Н. Рецензия на книгу Гиппиус В. Учебник синтаксиса современного русского языка. // Русский язык в школе. Вып. 1. М., 1923. — с. 44–53.
36. Петерсон М. Н. и Вертоградова В.В. Рецензия на книгу: Кочергина В.А. Начальный курс санскрита. М., 1956. // Вопросы языкознания. № 1. М., 1958. — с. 162–163.

Рецензии на работы М. Н. Петерсона

37. Петерсон М. Н. Очерк синтаксиса русского языка. М. — П., 1923.
Рецензия. Дурново Н. Н. Что такое синтаксис? // Родной язык в школе. Кн. 4. 1923. — с. 65–75.
38. Петерсон М. Н. Очерк синтаксиса русского языка. М. — П., 1923.
Рецензия. Дурново Н. Н. М. Н. Петерсон. Очерк синтаксиса русского языка. // *Slavia*, Т. 5. Praha, 1926 — s. 2.
39. Петерсон М. Н. Пособие для преподавателей. М. — Л., 1925.
Рецензия. Дурново Н. Н. Петерсон. М. Н. Пособие для преподавателей. // *Slavia*. R. 5. Praha, 1926. — s. 2.
40. Петерсон М. Н. Очерк синтаксиса русского языка. М. — П., 1923.
Рецензия. Peřkovskij A. Peterson M. Очерк синтаксиса русского языка. // *Zeitschr. f. slav. philologie*. Lpz., 1926.
41. Петерсон М. Н. О составлении этимологического словаря русского языка. // Вопросы языкознания. № 5. М., 1952. — с. 70–78.
Рец.: Orzechovska — Zielicz. H. // *Kvartalnik institutu polsko-radzieckiego*. № 4. Warszawa, 1953, — s. 188–189.
42. Петерсон М. Н. Очерк литовского языка. М., 1955.
Рец. Rūķe, Velta. // *Sprāklīga*. Vol. 2. № 6. SPb., 1956. — с. 80–85.

Издания под редакцией М. Н. Петерсона

43. Петерсон М. Н, ред. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. М., 1956.

О М. Н. Петерсоне

1. Виноградов В. В. Кризис фортунатовской системы в морфологических теориях М. Н. Петерсона // В. В. Виноградов. Современный русский язык. М., 1938. — с. 62–68.
2. Кузнецов П. С. Памяти М. Н. Петерсона. // Вестник Московского университета. Серия 7. Филология, журналистика, № 2. М., 1963, — с. 91–94.
3. J. Balčikonis. Petersonas 1885–1962 // *Lietuvių kalbotyros klausimai*, Т. 6. Vilnius, 1963. — p. 336.
4. Виноградов В. В. Синтаксическая система профессора М. Н. Петерсона в её развитии. // Русский язык в школе. № 5. М., 1964. — с. 96–105.
5. K. Korsakas. Aktualieji Donelaitistikos uždaviniai // *Literatūra ir kalba*. Т. 7. Kristijonas Donelaitis. Vilnius, 1967. — p. 20–24, 37, 38.

6. Кочергина В. А. Михаил Николаевич Петерсон. // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. № 6. М., 1970. — с.135–137.
7. Z. Zinkevičius. Michailas Petersonas (1885 — 1962). // Lietuvių kalbos sekcijos sąsiuvinis. № 7. V., 1970. — p. 29.
8. Прокопович М. Н. Профессор Михаил Николаевич Петерсон. // Русский язык в школе. № 4. М., 1970., с. 106–111.
9. J. Balčikonis. Rinktiniai raštai. T. I. V., 1978. — p. 195–196.
10. J. Balčikonis. Rinktiniai raštai. T. II. V., 1982. — p. 218–220.
11. J. Balčikonis. Rinktiniai raštai. T. II. V., 1982. — p. 281.
12. Широков О. Михаил Николаевич Петерсон // Вестник Московского университета. Сер. 9. № 3. М., 1983. — с. 57–60.
13. Иванов В. В. Профессор М. Н. Петерсон и развитие балтийского языкознания. // Балто-славянские исследования. М., 1984. — с. 224–225.
14. Кочергина В. А. Профессор М. Н. Петерсон. М., 1996.
15. Вопросы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. Сборник памяти М. Н. Петерсона. М., 1999.
16. A. Sabaliauskas. Žodžiai atgyja. Vilnius, 2000. — p. 130–132.